

I. Русские европейцы (8)

Леонид Люкс

«Всегда движим живой заботой о судьбах России и Европы»¹
– деятельность Федора Степуна в эмиграции на примере его статей в журналах *Хохланд* и *Новый Град* (1924-1940 гг.)²

Федор Степун, рожденный в 1884 г. в Москве в семье предпринимателя немецкого происхождения, был одним из важнейших за последние сто лет посредников между немецкой и русской культурами. В 1910 г. Степун завершил изучение философии в Гейдельберге, где защитил диссертацию у профессора Вильгельма Виндельбанда по творчеству Владимира Соловьева. Степун считал немецкую философию самой глубокой формой современного ему философского мышления и пытался, несмотря на широко распространенный в России в начале XX в. скепсис в отношении Германии, всячески популяризировать немецкую философию на своей родине. В то же время Степун был русским патриотом. В Первой мировой войне он как офицер русской армии воевал против Центральных держав. В 1915 г. он был тяжело ранен на фронте в Галиции. После свержения царя во время Февральской революции 1917 г. Степун полностью поддержал новую русскую демократию и служил ей на некоторых ответственных постах, в частности в военном министерстве Временного правительства.

¹ Цитата из Höntzsch F. Fedor Stepun – ein Mittler zwischen Rußland und Europa // *Hochland*. № 34. Vol. 2. April–September 1937. P. 189-200, цит. p. 190; см. также: Кантор В.К. Ф.А. Степун: русский философ в эпоху безумия разума // Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 3-33; его же. Федор Степун: хранитель высших смыслов или сквозь катастрофу XX века // Федор Августович Степун / Изд. Владимира Кантора. М., 2012. С. 5-33; его же. Вступление. Письма Федора Степуна // Федор Степун. Письма / Изд. Владимира Кантора. М., 2013; его же: Fedor Stepun über Deutschland // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 2010. Vol. 14. Heft 1. P. 125-138; Hufen Ch. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa. Die Jahre 1884-1945. Berlin, 2001; idem. Russe als Beruf // *Fedor Stepun: Russische Demokratie als Projekt. Schriften im Exil 1924-1936* / Ed. Christian Hufen. Berlin, 2004, P. 269-288; Hufen. Ch. Три мечты – одна безумная надежда // Федор Августович Степун. С. 34-54; Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990; Философ Федор Степун и его вклад в русско-немецкий диалог. Интервью Евгении Штейнберг с Леонидом Люксом // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2015. № 1. С. 16-24.

² Расширенная немецкая версия этой статьи была опубликована в сборнике *Carl Muth und das Hochland (1903-1941)* / Ed. Thomas Pittrof. Freiburg i.Br., Berlin, Wien, 2018, сокращенная русская версия в журнале *Социологическое обозрение*. 2018. № 2.

Степун никоим образом не разделял разочарование демократической системой, охватившее образованную часть русского общества уже через несколько месяцев после свержения царя. Степун считал демократию общественным устройством, как на Западе, так и на Востоке, наилучшим образом гарантирующим человеческое достоинство и идеалы справедливости, истоки которых философ видел в христианстве. Этому убеждению он был верен всю свою жизнь. В сентябре 1922 г. Степун в одном ряду с известными русскими интеллектуалами (Николаем Бердяевым, Семеном Франком, Питиримом Сорокиным и другими) был выслан из России. Газета *Правда* комментировала высылку ученых следующим образом: «Среди высланных нет крупных научных имен. В большинстве – это политикантствующие элементы профессуры, которые гораздо более известны своей принадлежностью к кадетской партии, чем своими научными заслугами»³. Но и на Западе эмигрантским мыслителям редко уделяли должное внимание. Западную общественность прежде всего интересовали победители внутрироссийской борьбы – большевики, а не проигравшие эмигранты, которые должны были вдали от родины бороться не только за духовное, но и за материальное выживание. Однако на Западе были и люди, пытавшиеся плыть против течения: они были готовы слушать русских мыслителей-эмигрантов. К их кругу принадлежали и издатели католического журнала *Хохланд*, который в 1920-1930-е годы был своего рода форумом русских авторов в эмиграции. Особенно часто на его страницах выступал Федор Степун.

Рассмотрим его статьи в журнале *Хохланд* на тему русской революции и европейского кризиса XX в.

Русская революция с точки зрения современника

Первая статья Степуна в журнале *Хохланд* появилась уже через полтора года после его высылки из России. Это были начальные очерки цикла «Мысли о России», которые параллельно публиковались в Париже в эмигрантском журнале *Современные записки* (до начала 1930-х годов Степун руководил литературной частью этого журнала).

Русский оригинал первой части этого цикла был опубликован в 1923 г., когда международные отношения в Европе и социально-экономическое положение Германии (Степун тогда жил в Берлине) чрезвычайно обострились вследствие Рурского кризиса, т.е. оккупации одного из самых высоко развитых промышленных центров Германии французскими и бельгийскими войсками. Несмотря на это, тогдашний Запад, по сравнению с большевистской Россией и начавшимся в

³ См. Кантор. Федор Степун: хранитель высших смыслов. С. 13-14; Срав. также Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921–1923. М., 2005; Остракизм по-большевистски. Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М., 2010.

1917-1918 гг. «русским апокалипсисом» (определение Василия Розанова), олицетворял для Степуна «нормальность» как таковую: «Вся европейская жизнь, при всем ее расстройстве, по-прежнему определяется нормами разума. Последние пять лет русской жизни, однако, соединили в душе в неразрывное целое ощущение безумия и реальности. [...] Они превратили [...] безумие [...] в сущность [...] бытия»⁴.

Как же это могло случиться? Как могла одна из самых больших империй на Земле столь быстро разрушиться? Русские демократы, по мнению Степуна, несут значительную долю ответственности за это. Как восторженно приветствовали они стремительное разрушение всех структур русского государства, которое они отождествляли с ненавидимой ими монархией! Как услужливо мирились они со вспышками ненависти простых солдат против всего офицерского корпуса! Слишком наивными были их ожидания, что на следующее утро после краха старого режима в России наступят славные времена невиданной ранее социальной справедливости и свободы⁵.

Нельзя забывать о том, что эти горькие слова исходили из уст убежденного демократа, который, однако, не отрицал ответственности своей и своих единомышленников за начавшуюся в 1917 г. катастрофу. Тем не менее Степун до конца всеми доступными средствами пытался защитить строй, установленный в России после Февральской революции. Но когда «первая» русская демократия в октябре 1917 г., через 8 месяцев своего существования, была уничтожена большевиками, Степун не был готов вслед за многими своими боевыми товарищами присоединиться к антибольшевистской Добровольческой армии: «Вооруженная борьба против них [большевиков] всегда казалась бессмысленной – и бесцельной, ибо дело все время не в них, но в той стихии русского безудержа. [...] Историческая задача России [...] в годы 1918–1921 заключалась не в борьбе с большевиками, но в борьбе с большевизмом: с разнузданностью нашего безудержа. Эту борьбу нельзя было вести никакими пулеметами, ее можно было вести только внутренними силами духовной сосредоточенности и нравственной выдержки»⁶. Также думали и некоторые другие русские мыслители-эмигранты, в частности Семен Франк⁷.

Степун рассматривал большевизм как неотвратимое зло, что вызывало возмущение многих его товарищей по изгнанию, для которых каждый компромисс с советским режимом был предательством антибольшевистских идеалов. При этом критики Степуна не замечали, что принятие Степуном новой российской реальности было лишь внешним. Признание большевизма из внутреннего убеждения

⁴ Stepun F. Das bolschewistische Rußland. Gedanken und Bilder // Hochland. № 21. Vol. 2. April–September 1924. P. 243-262, 412-425, 522-539, цит. p. 244.

⁵ Там же. P. 414-418; см. также: Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967; Франк С. Крушение кумиров. Берлин, 1924; Федотов Г. Лицо России. Сборник статей. (1917-1931). Париж, 1931.

⁶ Степун Ф.А. Мысли о России // Современные записки. 1923. № 14. С. 397.

⁷ Франк С. Биография П.Б. Струве. Париж, 1956. С. 126.

было для него неприемлемо. Степун считал, что в настоящее время с политической точки зрения было бы легитимно принять, хотя бы временно, большевистское государство, так как политика – это «искусство возможного». Однако с этической точки зрения, это принятие реальности совершенно неприемлемо, потому что в области нравственности нужно стремиться к невозможному⁸.

Степун четко отделял себя от возникшего в 1921 г. в русской эмиграции движения «Смена вех» и остро критиковал его в своих статьях, так как эти бывшие радикальные противники большевизма теперь были готовы признать большевиков как победителей в гражданской войне не только внешне, но и «внутренне», из «благодарности» за восстановление территории большей части Российской империи. Тем самым, как полагали ведущие идеологи «сменовеховства», победили, по крайней мере, окольными путями, «белые идеи». Большевики начали свой политический путь как воинствующие противники Российской империи, сторонники ее тотальной дезинтеграции. В итоге же они стали ее восстановителями и спасителями, считали сменовеховцы. Хотя большевистское государство внешне «красное» – интернационалистское и революционное, внутри оно «белое» – патриотическое и национальное, добавляли они. Николай Устрялов, видный представитель «сменовеховского» движения, писал в феврале 1920 г.: «Как это, быть может, не парадоксально, но объединение России идет под знаком большевизма [...] Первое и главное – соби́рание, восстановление России как великого и единого государства. Все остальное приложится. И если приходится с грустью констатировать крушение политических путей, по которым мы до сих пор шли, то великое утешение наше в том, что заветная наша цель – объединение, возрождение родины, ее мощь в области международной – все-таки осуществляется и фатально осуществится»⁹.

Аргументы такого рода Степун не принимал, хотя и сожалел по поводу частичного распада Российской империи после 1917 г.¹⁰ Несмотря на это, он никоим образом не был готов «внутренне» признать советский режим вследствие его «имперских достижений». Тот факт, что большевики были жестокими разрушителями свободного общества, возникшего в России после свержения царизма, значил для него слишком много. Но Степун не принимал большевиков не только потому, что они разрушили русскую демократию, но и потому, что в его глазах они являлись олицетворением «предельного упрощения». В этой связи Степун цитирует основоположника русской социал-демократии Георгия Плеханова, который в 1917 г. сказал, что Ленин «может оказаться для нашего дела очень опасным, так как его главный талант – невероятный дар упрощения»¹¹. Это определение Плеханова, скорее всего, вытекает из определения знаменитого швейцарского историка Якова Буркхардта.

⁸ Stepun. Das bolschewistische Rußland. P. 525.

⁹ Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин, 1927. С. 5-6.

¹⁰ См. Stepun. Das bolschewistische Rußland. P. 413-414.

¹¹ Ibid. P. 538.

Степуну было ясно, что большевистской системе, как и любому тоталитарному режиму, никоим образом не было достаточно лишь внешней лояльности поданных. Целью большевиков была полная идентификация всех слоев подвластного им населения с идеологическими постулатами режима, т.е. внутреннее принятие существующего состояния. Высылка в 1922 г. ведущих российских мыслителей из своей страны подчеркнула тот факт, что большевистское правительство считало идеологическое перевоспитание этих своевольных личностей не имеющим шансов на успех¹².

Следующие очерки цикла «Мысли о России»¹³, опубликованные в журнале *Хохланд* под заглавием «Проблема демократии в России» и «Миссия демократии в России»¹⁴ между 1924 и 1926 гг., были посвящены радикальной критике демократических идей, столь распространенной среди образованного класса как в России, так и в эмиграции после 1917 г. Степун не считал молодую и непрочную русскую демократию, которая была не в состоянии защититься от натиска ее врагов-большевиков, важнейшей, чуть ли не единственной причиной русской катастрофы октября 1917 г.

При этом Степун подчеркивал, что среди наиболее непримиримых критиков демократического эксперимента в стране были те, кто в свое время полностью одобрял новый строй, установленный в феврале 1917 г., кто никоим образом не был готов поддержать прогнившее здание российской монархии: «в те дни все, от социалистов до черносотенцев, были революционерами и демократами», – писал он¹⁵.

Теперь же многие из них отвернулись от прежних идеалов, устыдились своей прежней якобы наивности: «Багровый гнев, которым пылают их щеки, когда они говорят о пресловутом "феврале", чаще всего ни что иное, как краска стыда воспоминаний о своем непростительном революционном восторге, сентиментальные, глупые надежды на то, что все помирятся и будут счастливы. [...] Они ожидали, что революция сделает людей свободными и поэтому не могут ей простить, что она как дикий зверь набросилась на своих освободителей»¹⁶.

Описанная Степуном «переоценка ценностей» в лагере бывших российских демократов и либералов на самом деле представляла собой широко распространенное явление. Показательна в этом плане позиция влиятельного публициста и политика Петра Струве. В опубликованной в 1922 г. в эмиграции статье он не нашел никаких качественных различий между демократической фазой русской революции (февраль-октябрь 1917 г.) и ее тоталитарной фазой, начавшейся после большевистского переворота: «Духовно, морально-культурно и политически революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый

¹² Ibid. P. 527.

¹³ Hochland. № 22. Vol. 1. Oktober 1924 – März 1925. P. 389-403, 557-571.

¹⁴ Hochland. № 23. Vol. 1. Oktober 1925 – März 1926. P. 412-434.

¹⁵ Stepun. Die Mission der Demokratie in Russland. P. 417.

¹⁶ Stepun. Das Problem der Demokratie in Rußland. P. 390, 393.

процесс [...]. Реально, вся революция как народное движение рождалась и родилась из духа большевизма. Большевизм выражает русскую революцию»¹⁷.

Отождествление демократического и тоталитарного этапов русского переворота 1917 г. размывало все различия между ними. Февральская революция стала кульминацией начавшейся, главным образом, в 1825 г. (движение декабристов) борьбы русского общества против государственного гнета. Она завершила шедший с 1905 г. процесс превращения России в плюралистическое, основанное на разделении властей и признании основных прав человека общество. Она уничтожила все сословные привилегии, гарантировала полную свободу религии и свободу слова, отменила неравноправие полов и ввела раньше, чем многие западные страны, избирательное право для женщин. Тот факт, что это торжество свободы было насильственно прервано в октябре 1917 г., был следствием многих ошибок и неиспользованных возможностей неопытной российской демократии, а также проявлением коварства ее врагов-большевиков и близорукости военного командования Германии, которое, поддерживая своих «классовых врагов» большевиков, стремилось положить конец войне на два фронта. Однако этот конец «первой» русской демократии не был предопределен заранее. Были и иные возможности разрешения существовавшего кризиса. Но это уже другой вопрос. Гораздо важнее в этой связи отметить, что большевистский этап русской революции, в отличие от утверждений Струве, основывался на качественно противоположных принципах, чем Февральская революция. Самый свободный общественный строй в российской истории, просуществовавший столь недолго, был вытеснен самым несвободным¹⁸.

Но вернемся к данному Степуном анализу поражения «первой» русской демократии. Как было сказано, Степун был готов признать значительную долю ответственности российских демократов за начавшуюся в октябре 1917 г. русскую трагедию: «Те русские демократы, которые [...] не несут свой позор и свою вину в сердце, естественно, не имеют никакого морального права защищать правое дело демократии в России. [...] Необходимо признать, что всему достигнутому и созданному революционной демократией при Временном правительстве почему-то не хватало подлинности и вескости, осознания ответственности, чувства значительности и важности происходящего»¹⁹. Однако Степун категорически отвергал распространенный тезис о демократах как «единственных, кто виноват во

¹⁷ Струве П. Прошлое, настоящее, будущее // его же. Избранные сочинения. М., 1999. С. 319-330, цит. с. 320-323.

¹⁸ Преувеличенная критика Февральской революции со стороны Струве была явно вызвана полученной и так и непреодоленной им травмой: поражением этой революции. С.Л. Франк, близкий друг Струве, сообщает в написанной им биографии Струве, сколь высоки были в начале ожидания Струве, связанные с Февральской революцией: «Теперь Россия пойдет вперед семимильными шагами» (Франк. Биография П.В. Струве. С. 111-112). Можно предположить, что несправедливое и излишне строгое суждение Струве о характере Февральской революции явилось следствием завышенных надежд, которые он в свое время с ней связывал.

¹⁹ Stepun. Das Problem der Demokratie in Russland. P. 399; idem. Die Mission der Demokratie in Russland. P. 418.

всех ужасах современного состояния России». Тех, кто так рассуждал, он спрашивал, «а где они были, когда демократия совершала свои исторические ошибки»²⁰?

Несмотря на свою готовность тщательно исследовать поведение русских демократов, Степун в очерке «Миссия демократии в России» высказывал несколько сомнительный тезис, касающийся поведения символической фигуры «первой» русской демократии Александра Керенского во время «контрреволюционного» мятежа Верховного главнокомандующего русской армии генерала Корнилова в августе 1917 г. Керенский тогда призвал большевиков создать единый фронт против «контрреволюционной опасности». Степун считал это обращение к большевикам «неизбежным»²¹.

На самом же деле речь шла о капитальной ошибке русских демократов. Большевики после провалившейся попытки путча 3-5 июля 1917 г. находились в плачевном состоянии. Правительство распустило их вооруженные формирования и частично запретило их прессу. Скрываясь от суда по обвинению в государственной измене (сотрудничество с Германией), Ленин бежал из Петрограда и жил в укрытии на финской территории. Однако почти все ограничения правительства по отношению к большевикам были отменены во время Корниловского мятежа.

Действительно ли борьба против Корнилова требовала мобилизации всех левых сил России, включая таких воинственных антидемократов, как большевики? Провал путча показал, что армия больше не подходит для борьбы против собственного народа. Так что русская демократия никоим образом не нуждалась в помощи левых экстремистов, чтобы успешно противостоять опасности справа. Тем не менее, страх демократов перед контрреволюцией был настолько велик, что они существенно недооценили свои силы. Не в последнюю очередь поэтому они вновь дали оружие в руки большевиков, разоруженных в июле 1917 г. Это было, явно, самым катастрофическим последствием мятежа Корнилова.

В последней части своего очерка «Миссия демократии в России» Степун рассматривает широко распространенные как на Востоке, так и на Западе стереотипные представления о недостатках демократического общественного порядка как такового. Вот некоторые из его аргументов: «Все утверждения, что демократия по своей сути чужда народу и безбожна, являются совершенно необоснованными. Сущность демократических взглядов основана на утверждении человеческой личности [...] [...] Ложно] утверждение, что пафос демократии основан на защите количества и отрицании качества. Демократия, наделяя избирательным правом каждого отдельного гражданина, не отнимает и не убивает в нем ни одного из его личных качеств»²². Вывод Степуна гласит: «Я хорошо знаю, что сейчас совершенно безнадежно, тем более эмигранту, защищать идею демократии

²⁰ Stepun. Die Mission der Demokratie. P. 424.

²¹ Ibid. P. 422.

²² Ibid. P. 429-430.

как национальную религиозную идею России. Но, может быть, лишь то и стоит защищать, что большинство считает делом безнадежным»²³.

Наряду с приверженностью демократии, Степун в своих статьях «Проблема демократии в России» и «Миссия демократии в России» пишет о повседневной жизни большевистской России, выступая в качестве своего рода предшественника (*avant la lettre*) Джорджа Оруэлла. Согласно Степуну, сущностной чертой большевистского режима было переосмысление многих слов и понятий, которые в дототалитарной или нетоталитарной реальности имели противоположный смысл. Два с половиной десятилетия спустя Джордж Оруэлл назвал этот феномен «новоязом» («*newspeak*»). Степун пишет: «С первых дней [большевистского] господства все начинает разваливаться. Жизнь приобретает странный, призрачный характер. Требование мира проникает в армию в качестве предвестника гражданской войны. За братанием с врагом скрывается подстрекательство к убийству собственных офицеров. Страстная борьба против смертной казни сочетается с полной внутренней готовностью к ее применению [...]. Учредительное собрание созывают, чтобы разогнать его [...]. Без сомнения, что этот "стиль" власть имущих при полном отсутствии свободы слова и систематическом подавлении любого "общественного мнения" глубоко отразился на духовной структуре русской жизни и русском обществе. Из всех зол, причиненных России большевизмом, самым серьезным, без сомнения, является ее моральное разложение»²⁴.

Следующая часть цикла «Мысли о России» появилась в журнале *Хохланд* в 1926-1927 гг. под названием «Метафизический смысл революции и советская литература»²⁵. В начале очерка Степун рассматривает «совершенно непереносимый» для него феномен, а именно немецкий «салонный коммунизм»: «Без малейшего чувства боли за *свою* Европу, [...] они (во мнении, что тем самым льстят нашему русскому национальному чувству) расхваливают поэзию большевистской России с ее пророческим хаосом (в стиле Достоевского) и ее живописно-кровавой зрелищностью (в стиле, не уступающем Шекспиру). [...] С наивной, снисходительной улыбкой людей, которые ничего на себе не испытали, они говорят, что революции не делаются в белых перчатках, что дух и кровь всегда связаны друг с другом»²⁶.

Когда Степун пытался поставить под вопрос это любование русской катастрофой, ему довелось услышать от одного из своих собеседников, что «все [русские] эмигранты за деревьями не видят леса, что европейцы, задыхающиеся от затхлости Западной Европы, могут понять всемирное значение большевистской России лучше, чем сами русские»²⁷.

²³ Ibid. P. 433.

²⁴ Stepun. Das Problem der Demokratie. P. 563-564.

²⁵ Hochland. № 24. Vol. 2, 1926–1927. P. 34-45, 187-198.

²⁶ Stepun. Der metaphysische Sinn. P. 35.

²⁷ Ibid.

Разумеется, Степун не отрицал эпохального значения русской революции; вопреки всему сказанному, он даже отмечал ее позитивные аспекты, которые, однако, в корне отличались от представлений «салонных коммунистов», причем не только в Германии. С точки зрения Степуна, к числу важнейших последствий «русского апокалипсиса» принадлежал тот факт, что в нем открывался глубокий смысл некоторых явлений: «Общая неопределенность будущего в те дни придавала всему стилю и духу времени суровую серьезность. В свете этой серьезности все привычные давно лишенные смысла вещи вновь обретали свой вечный смысл. Ломоть черного хлеба, который вся Россия берегла как просфору, чтобы ни одной крошки не пропало, вновь для всех означал жизнь, кровом стала квартира, [...] очагом – печь, спасавшая от голода и холода. [...]. Мы ясно знали, кто [...] герой, а кто – трус. [...] Все поднялось, приобрело истинное лицо и истинный смысл. Невероятно быстро в жизни исчезли фиктивные перегородки»²⁸.

Во второй части очерка Степун рассматривает чрезвычайно интересное с его точки зрения явление, недооцененное, как он полагает, большинством русской эмиграции, а именно – современную ему советскую литературу. Степун подчеркивает, что наиболее талантливые советские писатели, такие как Борис Пильняк, Леонид Леонов или Исаак Бабель, полностью игнорируют господствующую в Советском Союзе идеологию и пишут по своему собственному усмотрению: «Каждым более-менее талантливым словом [...] советская литература неустанно повторяет, что между Россией и большевистским коммунизмом идет борьба не на жизнь а на смерть; что все, что коммунисты пытаются навязать жизни в качестве ее нового смысла, отвергается самой жизнью, превращаясь в нелепость и бессмыслицу. [...] Все] это красноречиво свидетельствует, что советская литература – не есть продукт, произведенный в идеологических лабораториях коммунизма, она является его противоположностью, разоблачает его»²⁹.

Почему же тогда советские литературные чиновники терпят эту литературу, которая практически не учитывает идеологических предпосылок режима? Согласно Степуну, все это имеет очень простое и в то же время глубокое объяснение: «если своих товаров нет, а торговать нужно, то приходится торговать чужими, которые выдаются за свои»³⁰.

К этому следует, однако, добавить, что единолично правящая партия, которая полностью контролировала все рычаги власти в государстве, не была готова слишком долго терпеть это литературное или художественное отклонение от своей генеральной линии в сфере идеологии.

Вследствие начавшейся в 1929 г. сталинской двойной революции сверху (коллективизации сельского хозяйства и форсированной индустриализации страны) были устранены не только свобода хозяйственной деятельности, но и свобода художественного творчества любого рода. С этого времени не только литература

²⁸ Ibid. P. 41-42.

²⁹ Ibid. P. 190, 192.

³⁰ Ibid. P. 194-195.

и искусство, но и гуманитарные, социальные, а также естественно-научные дисциплины прежде всего служили достижению одной цели – прославлению Сталина и созданной им системы. Как это ни парадоксально, литературное направление, выдававшее тогдашний режим террора за рай на земле, получило название не «сталинский фикционализм», а «социалистический реализм». Это учрежденное на первом съезде советских писателей в 1934 г. направление в литературе, имевшее свой аналог в искусстве, представляло собой эквивалент генеральной линии партии. Отклонения от нее карались очень строго, вплоть до смерти.

Но вернемся к Степу. Наряду со многими глубоко впечатляющими положениями, его трактат содержит и пассажи, которые выглядят менее убедительными. Речь идет об огульной критике Степуном русской эмиграции. Он пишет, что многие эмигранты в воспоминаниях с наслаждением предаются прославлению старой России. Это приводит к тому, что они «отрекаются от подлинной России». Аналогично, с точки зрения Степуна, действуют и большевики, которые во имя «мертворожденной мечты о будущем» потеряли из поля зрения «настоящую Россию»³¹. Это общее обвинение, выдвигаемое Степуном в отношении большинства эмигрантов, было, конечно же, неоправдано. В русской эмиграции существовали довольно многочисленные группы и авторы, которые весьма критически относились к прошлому своей страны.

Сотрудничество Степуна с журналом *Хохланд* было на много лет прервано после публикации его статьи «Метафизический смысл революции». Так, биограф Степуна Христиан Хуфен отмечает, что написанный в 1930 г. на немецком языке трактат Степуна «Советофилия», который изначально предназначался для журнала *Хохланд*, так и не был напечатан в этом журнале³². Лишь после «захвата власти» в Германии нацистами Степун вновь стал регулярно публиковать свои тексты в журнале *Хохланд*. До этого публицистическая деятельность Степуна была прежде всего сосредоточена в основанном им в 1931 г. вместе с историком Георгием Федотовым и публицистом Ильей Бунаковым-Фондаминским эмигрантском журнале *Новый Град*.

Федор Степун и основание журнала *Новый Град*

«Золотые» двадцатые годы, которые принесли в европейский послевоенный мир порядок временную передышку и замедлили торжество левого и правого тоталитаризма, внезапно закончились в октябре 1929 г. с крахом Нью-Йоркской биржи. Победа НСДАП на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г. и начавшаяся в 1929-1930 гг. сталинская революция сверху придали тоталитарной опасности,

³¹ Ibid. P. 198.

³² Hufen. Fedor Stepun. P. 315-316.

угрожавшей старому континенту, совершенно новое измерение. Победы Сталина и Гитлера сопровождалась беспрецедентным кризисом идентичности во все еще остававшейся свободной западной части европейского континента, который в противостоянии с более агрессивным тоталитаризмом сдавал свои позиции одну за другой. В этой ситуации в Париже начал издаваться русский эмигрантский журнал *Новый Град*³³.

Редакторы журнала принадлежали к тем эмигрантским кругам, которые отказывались от политического радикализма и утопизма любого рода, – как левого, так и правого толка – и которые продолжали идеи русского религиозно-философского ренессанса начала 20 века, который олицетворял собой сборник *Вехи*. Некоторые авторы *Вех* были также и авторами *Нового Града*, например, Николай Бердяев и Сергей Булгаков. Однако особое влияние на программу журнала имели Георгий Федотов и Федор Степун.

Уже в своем первом, вышедшем в 1931 году номере журнал *Новый Град* однозначно сформулировал свою политическую и идеологическую позицию. Защита свободы – по мнению редакторов, важнейшего наследия 19 века – была для них центральной задачей времени. Поэтому «новоградцы» объявили непримиримую борьбу коммунистическим и праворадикальным врагам свободы. Однако они также резко критиковали и европейский либерализм. Они упрекали либеральные группировки в недостаточном интересе к социальным вопросам. Труд, а не капитал должен был стать важнейшей основой «нового общественного строя», к которому стремился *Новый Град*.

«Новоградцы» обвиняли либеральное государство также в духовном эклектизме и релятивизме. Не в последнюю очередь по этой причине у него не было достаточно энергии оказывать сопротивление тоталитарным фанатикам: «парламентская демократия представляет собой политическую систему не только равнодушную к вопросам мировоззрения, но и защищающую это равнодушие как свое *миросозерцательное кредо*», – пишет Степун. «Свое безразличие к вопросам истины (истины, а не отдельных правд и правильностей) современная демократия ощущает как защиту *идеи* свободы. Эта терминология не точна, – продолжает Степун. – *Идея* свободы (идея в платоновском, метафизическом смысле слова) в отрыве от истины, не познаваема. Свобода, в смысле идеи, то есть в смысле высшей духовной реальности, есть *путь истины в мир и путь мира к истине*»³⁴.

³³ Ср. Raeff M. „Novyj Grad“ and Germany: A Chapter in the intellectual History of the Russian Emigration of the 1930s // Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Studien zu Ehren von Peter Scheibert / Ed. I. Auerbach, A. Hillgruber, G. Schramm. Freiburg, 1985. P. 255-265; Мень Александр. Возвращение к истокам // Vehi.net. www.vehi.net/men/fedotov2.html; Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г. Лицо России. Сборник статей (1918–1931). Paris, 1967. С. I–XXXIV; Степун Ф. Г.П. Федотов // Сочинения. М., 2000. С. 747-761. Hufen. Fedor Stepun. P. 385-410; Современные записки. Париж 1920–1940. Из архива редакции / Ed. Oleg Korostelov, Manfred Schrub. Paris, 2011. Vol. 1. P. 60, 85, 89, 93, 411, 615, 625.

³⁴ Степун. Сочинения. С. 356.

В своих вышедших после Второй мировой войны заметках к кредо *Нового Града* Степун добавляет: «Правда всегда побеждает, надо только видеть, что она побеждает на двух, весьма различных путях. В случае ее признания, ее победа превращается в живое и творческое устройство жизни, в случае ее отрицания – ее победа оказывается разрушением жизни. К этой второй форме победы, мы, люди XX века, подошли совсем близко»³⁵.

Общественный строй *Нового Града* должен был строиться не на эклектически-релятивистских, а на христианских основах. Однако на христианстве, которое значительно чувствительнее реагирует на социальный вопрос, чем это делают традиционные церкви³⁶.

Группа «Новый Град» и кризис западной демократии

Тот факт, что «первая» русская демократия, возникшая после свержения династии Романовых, не смогла справиться с большевистским вызовом, многие западные наблюдатели связывали с незрелостью русского общества к демократии, с его стремлением к новому патриархальному строю, который должен был заменить царскую монархию.

Авторы *Нового Града* были, в свою очередь, удивлены неспособностью западноевропейских демократий дать отпор своим тоталитарным противникам – это несмотря на столетия правовой традиции, которая была укоренена в этой части Европы в отличие от России. «Новоградцы» подробно занимались кризисом Веймарской республики начала 1930-х годов. Что их в этой связи потрясло, было не «стремление к власти» радикальных противников республики, а беспомощность демократов – не в последнюю очередь социал-демократов, которые были фундаментом немецкой системы, воздвигнутой в ноябре 1918 г.: «Она (социал-демократия) пала так же бесславно, как монархия Николая II, – писал Степун в 1933 году в своей статье «Германия проснулась», – Прекрасно организованная и дисциплинированная, располагавшая массами очень высокого культурного уровня, опытная в делах государственного управления и гордая своими спортивно-боевыми организациями, немецкая социал-демократия сдалась на милость победителя, не только не успев поднять вооруженной руки, но не успев даже громко крикнуть о своей гибели»³⁷.

³⁵ Старые – молодым. Мюнхен, 1960. С. 98.

³⁶ Федотов Георгий. Россия, Европа и мы. Сборник статей. Париж, 1973. С. 135-141.

³⁷ Степун. Сочинения. С. 482; Степун не учитывает здесь, однако, того факта, что СДПГ была единственной партией в Рейхстаге, которая голосовала 23 марта 1933 против «Закона о полномочиях», при помощи которого нацистское правительство превратило Рейхстаг в марионетку режима.

Поражение СДПГ Степун объясняет тем, что ей «не хватало воли к борьбе и веры в собственную победу».

Не иначе обстояли дела и с другими демократическими группировками Германии, не в последнюю очередь с католическим Центром – добавляет Степун. Одновременно он предостерегает от идеализации национал-социалистического «обновления», к которому склонялись некоторые русские эмигрантские группировки, говорившие о начале новой «органической» эпохи по примеру европейского средневековья: «(Победа) национал-социализма является ... не шагом к новому средневековью, а прыжком в некоторое новое варварство»³⁸.

Георгий Федотов, в свою очередь, считал крайне тревожным тот факт, что падение Германии в тоталитарную пропасть не разбудило остальные европейские демократии. Свою статью, вышедшую в том же седьмом номере *Нового Града*, в котором была опубликована статья Степуна «Германия проснулась», Федотов назвал «Демократия спит»: «Вот уже третье предостережение, – пишет Федотов. – Первой провалилась Россия. За ней Италия. Теперь Германия. Провалилась уже половина Европы». Однако наводнение все больше приближается и также угрожает унести в пропасть еще уцелевший крайний запад континента. И там Федотов диагностировал слабование, кризис идентичности и пассивность: «Нигде не видим ни новых идей, ни сильных партий, ни больших вождей. Нигде нет ни плана конструктивной реформы ... Такова формула кризиса демократии, вскрывающая не порочность учреждений, а нечто худшее: одряхление демократической культуры»³⁹.

Год спустя, под впечатлением сокрушительного поражения Веймарской демократии, Степун в опубликованной в *Новом Граде* статье «Идея России и формы ее раскрытия» размышлял о том, какая демократия нужна постбольшевистской России: Это должна быть демократия, которая не допускает «демократической борьбы против демократии... Против ханжества своих врагов ей приличествуют все формы действенной самообороны. Нельзя забывать, что демократия обязана защищать не только свободу мнения, но и *власть свободы*»⁴⁰.

Разногласия Степуна с Третьим рейхом и нацистской идеологией

После прихода Гитлера к власти Степуна, убежденного демократа, публиковали лишь немногие немецкоязычные издания. Лишь там он имел возможность публично выражать, хотя и между строк, свои политические взгляды. Среди этих

³⁸ Там же. С. 486.

³⁹ Федотов Георгий. Тяжба о России (статьи 1933-1936 гг.). Париж, 1982. С. 103, 113.

⁴⁰ Степун. Сочинения. С. 501. В журнале *Хохланд*, между прочим, не раз обсуждалась программа «Нового Града». См., например, Höntsch Fred. Fedor Stepun – ein Mittler zwischen Rußland und Europa // *Hochland*. № 34. Vol. 2. April-September 1937. P. 189-200.

исключений был и журнал *Хохланд* – один из последних бастионов «полусвободного слова» в Третьем рейхе. Сотрудничество между журналом и русским философом, прерванное в конце 1920-х годов, было возобновлено. О характере журнала и о его роли в нацистском государстве Степун писал 31 июля 1934 г. в письме одному из редакторов журнала Фридриху Фуксу: «Вообще я должен сказать, что "Хохланд" сегодня это самый яркий, интересный и значительный журнал. Надеюсь, и в дальнейшем вы удержитесь на том же уровне»⁴¹.

Статьи, которые Степун с 1933 г. публиковал в журнале *Хохланд*, были посвящены исключительно русской тематике. Однако нередко они содержали намеки на тогдашние порядки в Германии. Например, в 1933 году в *Хохланд* после многолетнего перерыва была опубликована статья Степуна, посвященная русскому философу-культурологу и поэту Вячеславу Иванову. Иванов, который, как и Степун, после большевистского переворота вынужден был покинуть Россию, принадлежал к ведущим представителям русского религиозно-философского ренессанса начала XX в., в значительной мере определявшим тогдашний интеллектуальный климат страны. Анализируя мировоззрение Иванова, Степун не только указывает на то, как сильно его мировоззрение находилось под влиянием Фридриха Ницше, но и подчеркивает существенные отличия, существующие между обоими мыслителями. Иванов создал символическое видение художника, который «не занимается воспитанием ... мира, и не пытается переоценить все ценности [...] мира и навязать ему свою собственную жесткую "волю к власти"»⁴². Степун определяет позицию Иванова как «религиозный символизм», а точку зрения Ницше – как «идеалистический символизм». Религиозному символизму свойственна «устремленность к объективной истине, идеалистическому – к субъективной свободе, религиозному – самопреодоление, идеалистическому – самоутверждение»⁴³. Не подлежит сомнению, что Степун, критикуя ницшеанскую «Волю к власти» и пропагандируемое ницшеанством сокращение старых ценностей, имел в виду критику тогдашних немецких порядков. Его намерения становятся еще яснее в пассажах, в которых он анализирует представление Иванова о народе. «Иванов трактует понятие народа не как политическое, а исключительно как религиозное. Народ возникает и созревает не в борьбе за свое место под солнцем, но в борьбе за исполнение долга перед Богом. *Индивидуальность* народа [...] есть единственность и неповторимость его духовной и физической ситуации при выполнении этого долга. Национализм, напротив, это национальный эгоизм и, следовательно, предательство гармонии каждой нации; в перспективе – ее смертельная болезнь»⁴⁴.

⁴¹ Цит. по: Hufen. Fedor Stepun. P. 447.

⁴² Stepun Fedor. Wjatscheslaw Iwanow. Eine Porträtstudie // Hochland. № 31. Vol. 1. Oktober 1933 – März 1934. P. 351-361, цит. p. 354.

⁴³ Ibid. P. 355.

⁴⁴ Ibid. P. 358.

Даже написанный им в 1937 году некролог поэту и писателю Андрею Белому, который был одним из ведущих русских символистов, Степун использует для косвенного сведения счетов с нацистским режимом и его идеологией. В данном случае он имел в виду пропагандируемое нацистскими идеологами вытеснение человеческой индивидуальности коллективом: «Тема своего всезавершающего творения [...] намечалась Белым [...] как катастрофа культуры, катастрофа сознания, смерть личности, прорастание личности коллективным "Я". [...] Катастрофа индивидуалистической культуры, гибель гуманистической личности [...] и рождение нового коллектива – все это пережито, теоретически осознано и художественно воссоздано Белым с единственной глубиной и силой»⁴⁵.

Вопреки своему неприятию нацистской системы и лежащей в ее основе идеологии Степун пытался внешне договориться с ней – аналогично «внешней лояльности» в отношении Советской России, сочетавшейся с «внутренним» отклонением любых компромиссов в отношении новых власть имущих. 11 ноября 1934 г. Степун, с 1926 г. преподававший социологию в Дрезденской высшей технической школе⁴⁶, как и многие другие преподаватели немецких вузов, принял присягу Гитлеру. Филолог Виктор Клемперер, который с 1935 г. из-за своего еврейского происхождения был лишен права преподавания в Дрездене, так описывал эту церемонию: «[Она] была холодна, в высшей степени формальна и длилась не более двух минут. Повторяли хором за ректором, который пробубнил: "Вы клянетесь в вечной верности, я обязан обратить ваше внимание на святость клятвы [...] Завершаю трехкратным "Зиг Хайль". Ректор прокричал "Зиг" – хор прорычал "Хайль". [...] Среди присягавших были Янентцки, Кюн, Степун. [...] Они] такие же национал-социалисты, как и я»⁴⁷.

Новая попытка Степуна прийти к соглашению с тоталитарным режимом, так же, как и первая такая попытка в Советской России, полностью провалилась. Условная лояльность Степуна не устраивала ни большевистский, ни нацистский режим. Тоталитарные режимы требуют от своих подданных безусловного подчинения, неограниченной идентификации с господствующими идеологическими догмами. Те, кто не готов пойти на это, подвергаются разного рода репрессиям. В случае Степуна эти репрессии, учитывая возможности тоталитарных государств, были относительно мягкими. Большевики не бросили его в тюрьму, а выслали из страны. В Третьем рейхе он, как и другие критики режима, вполне мог бы оказаться в концлагере. Но этого не случилось. Ректор Дрезденской высшей технической школы Вильгельм Йост и гауляйтер Саксонии Мартин Мутшман в июне 1937 г. отдали распоряжение об отстранении Степуна от службы в вузе. Увольнение Степуна объяснялось тем, что профессор якобы распространял неверные

⁴⁵ Stepun Fedor. Dem Andenken Andrej Belyjs // Hochland. № 34. Vol. 2. April–September 1937. P. 200-215, цит. p. 214.

⁴⁶ Ср. Hufen. Russe als Beruf. P. 274-278, 287.

⁴⁷ Klemperer Viktor. Ich will Zeugnis ablegen bis zum Letzten. Tagebücher 1933–1941. Berlin, 1995. P. 163.

представления о большевизме: «Степун видит в большевизме не проявление чужеродного разрушительного господства, навязанного русскому народу еврейством, а ложное направление поиска русской религиозности, явление отчасти и национально-русское». Наряду с этим, распоряжение об увольнении содержало следующий пассаж: «Степун [...] не предпринимал никаких серьезных усилий, чтобы изменить в положительную сторону отношение к национал-социализму. Степун в своих лекциях отвергает взгляды национал-социализма, в особенности в отношении всеобъемлющих притязаний нацистской идеи и важности расового вопроса, а также в отношении еврейского вопроса»⁴⁸.

Вопреки запрету на профессию, Степун продолжал писать о национал-социализме; он делал это прежде всего в русской эмигрантской прессе. В 1938 г. в журнале *Новый Град* была опубликована его статья «О свободе», в которой Степун писал: «Неприемлемость фашизма заключается [...] в его ненависти к свободе, как к духовной первоприроде человека, в его абсолютном равнодушии к качественной единственности всякой человеческой личности, в его стремлении превратить людей в кирпичи, в строительный материал государственно-партийного зодчества. Самая страшная ложь фашизма – это идея конформизма, идея стандартизированного индивида, исповедующего государством предписанное мирозерцание и творящего государством задуманную культуру»⁴⁹. Этот категорический отказ от национал-социализма Степун подписал своим именем.

Несмотря на запрет на профессию, Степуну удалось опубликовать в журнале *Хохланд* некоторые статьи, содержавшие критические высказывания в адрес режима. В номере, датированном октябрём 1938 – мартом 1939 гг. в статье «Церковь самоубийц» Степун рассматривает роман Достоевского «Бесы», практически предвосхитивший события русской революции 1917 г. или тоталитарные перевороты XX в.⁵⁰ Многие герои романа высказывают, как известно, разного рода утопические проекты спасения России и всего человечества. Некоторые из них Степун анализирует. Прежде всего он рассматривает характерное для некоторых героев романа самодовольство и презрение к так называемому «среднему человеку», который слишком ленив, чтобы пользоваться своей свободой, и слишком труслив, чтобы защитить ее: «Масса не может быть и потому никогда не бывает субъектом революции, но всегда лишь – объектом воздействия профессиональных революционеров. Покорности масс лучше всего достичь, не просвещая ее учением и наукой, но в то же время возбуждая ее агитацией»⁵¹. Степун указывает на то, что Достоевский с показной претензией своих героев на роль «сверхчеловеков» квази предвидел появление «сверхчеловека» Ницше. «Сверхчеловек»

⁴⁸ Цит. по: Hufen. Fedor Stepun. P. 494-495.

⁴⁹ Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 548.

⁵⁰ Stepun F. Die Kirche der Selbstmörder // Hochland. № 36. Vol. 1. Oktober 1938 – März 1939. P. 472-488; см. об этом: Berdiajew Nikolaj. Psychologie der russischen Gottlosigkeit // Hochland. № 29. Vol. 2. April 1932 – September 1932. P. 193-204, цит. p. 196.

⁵¹ Stepun. Die Kirche der Selbstmörder. P. 473.

Ницше также пытался преодолеть человеческое начало в человеке и представлял себя богоподобным существом. Степун напоминает ставшее знаменитым пророчество Достоевского, который устами одного из своих героев (Шигалева) утверждает, что социализм начинается с провозглашения полной свободы, а приходит к неограниченному деспотизму. Но герои Достоевского были подвержены не только социалистическому, но и националистическому искушению. Один из героев романа (Шатов) формулирует свое вероучение: «Я верую в Россию, я верую в ее православие [...] Я верую, что новое пришествие Христа совершится в России». Степун так комментирует мировоззрение Шатова: Шатов верует в православие и в Тело Христово, хотя еще не верует в Бога, а лишь надеется, что со временем поверит в Него. Но что значит вера в народ-богоносец без веры в Бога? Не ясно ли, что религия Шатова еще не христианство, а лишь религиозно окрашенный русский мессианизм. В исступлении Шатов напоминает Ставрогину их некогда общую веру, что народ – это Тело Божие. И что всякий народ до тех пор только и народ, а не этнографический материал, пока имеет своего Бога особого, а всех остальных богов на свете исключает без всякого примирения; пока верует, что своим Богом победит и изгонит из мира остальных богов. Лишь эта вера позволяет, по Шатову, каждому истинному народу перерасти самого себя, достичь своей исключительности: «Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве, или даже с первостепенною, а непременно с исключительной»⁵².

Без сомнения, Степун, показывая экстремистские искушения героев Достоевского, имел в виду не только Россию. Это было ясно читателям Степуна, которые, конечно же, владели искусством чтения между строк.

Последняя статья, опубликованная Степуном в журнале *Хохланд* во время нацизма, вышла в свет сразу же после начала Второй мировой войны, в номере за 1939-1940 гг. В ней Степун вспоминал свое детство. Текст представлял собой объяснение в любви к России и к ее культуре. В то же время автор решительно осуждал «немецкие добродетели», воплощением которых был его дед («где воля, там и путь»), и презрение деда к России. Степун подчеркивал, что без памяти о России и православных праздниках, пережитых им на родине, «он был бы сегодня не в силах с верой в сердце смотреть в будущее»⁵³. Факт, что Степун смог опубликовать свое «объяснение в любви» к России в журнале, издававшемся в нацистской Германии, был очевидно связан с тем, что в то время нацистское руководство в связи с пактом Гитлера-Сталина от августа 1939 г. временно прекратило свои пропагандистские нападки на Россию и большевизм. Не в последнюю очередь поэтому Степун в своей статье смог даже упомянуть, что во время Первой мировой войны он как русский офицер сражался против Германии⁵⁴.

⁵² Ibid. P. 487.

⁵³ Stepun Fedor. Aus meiner Kindheit. Erinnerungen // Hochland. № 37. Oktober 1939 – September 1940. P. 446-454, цит. p. 454.

⁵⁴ Ibid.

Мюнхенские годы (приложение)

Во время страшной бомбардировки Дрездена 13-14 февраля 1945 г. был разрушен дом Степуна вместе с библиотекой. Однако в это время Степун с женой находились в Южной Баварии. О возвращении в Дрезден теперь не могло быть и речи, причем не только потому, что дома больше не было. Не менее весомой причиной было то, что Степун не хотел попасть в руки наступающей Красной Армии: его антибольшевистская позиция была хорошо известна советским властям. Если бы Степун не попал под опеку западных союзников, он, скорее всего, как и многие известные политически активные эмигранты (Лев Карсавин, Петр Савицкий и другие), оказался бы в ГУЛАГе. Несмотря на то, что нацистские власти в 1937 г. принудили Степуна к молчанию, его заслуги посредника между немецкой и русской культурами не были забыты в Германии. Не в последнюю очередь поэтому в октябре 1946 г. он получил предложение министерства культур Баварии принять должность профессора русской духовной истории Мюнхенского университета. Так Степун почти через 10 лет после того, как нацистский режим лишил его права преподавания, смог продолжить свою педагогическую деятельность в немецком университете⁵⁵.

Степуно снова удалось, как и в свое время в Дрездене, передать студентам свое восхищение русской культурой и в тоже время познакомить их с трагедией русской истории, особенно XX в. Один из его студентов, мюнхенский писатель Фридрих Хитцер, вспоминал: «Те, кто знаком лишь с книгами Федора Степуна, в лучшем случае могут догадываться о жизненной силе их автора. Его творчество предполагает огромное духовное богатство [...] Но письменный язык был лишь частичным отражением живой речи Степуна. Писатель никогда не мог полностью заменить в нем оратора»⁵⁶. Другой бывший ученик Степуна, Виктор Фишман, добавлял: «В университете Степун обращался [...] к молодежи, к будущей новой Германии, которая его действительно вдохновляла»⁵⁷. Степун в своих письмах не без гордости отмечает положительный отклик своих немецких слушателей: «Своею жизнью и деятельностью здесь я все же очень доволен», – пишет он 16 октября 1948 г. архимандриту Иоанну Шаховскому. – «Не думаю, что в каком-нибудь другом месте я мог бы жить духовно столь же живой и питательной жизнью, как живу здесь. Как-никак я уже с двадцать третьего года в Германии, и если она и не стала мне второй матерью (второй матери быть не может), то все же какой-то весьма близкой родственницей, которая, кажется, довольно

⁵⁵ См. Хуфен К. Мюнхенская свобода: эксперт по России Федор Степун в период Холодной войны // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2016-2017 / Ред. М. Колеров. С. 736-737.

⁵⁶ Hitzer Friedrich. Mein Lehrer Fedor Stepun // Russische Spuren in Bayern. Portraits, Geschichte, Erinnerungen. München, 1997. P. 165-174, цит. p. 170.

⁵⁷ Fishman Viktor. Fedor Stepun – Drama in vier Akten // Ibid. P. 175-182, цит. p. 178.

искренно полюбила меня [...]. Интерес к России здесь, несмотря на отвращение от большевиков, слава Богу, не ослабевает»⁵⁸.

В письме коллеге и другу Дмитрию Чижевскому от 9 августа 1951 г. Степун добавляет: «Мне тут живется очень хорошо, если бы не годы, то есть не сознание своей приближающейся старости, то я сказал бы, так хорошо, как мне еще никогда не жилось: аудитория интересна и все еще достаточно многочисленна (около 200 человек). [...] Моя автобиография распространяется по нынешним временам достаточно быстро: первый том вышел уже вторым изданием. Печататься можно в любом количестве и в Германии, и в Швейцарии. [...] все более открываются возможности поездок и в Швейцарию, где я раза 2–3 в год читаю, и в Париж, и в Рим»⁵⁹.

Почти эйфорическое настроение Степуна омрачала боязнь новой войны и советской экспансии, направленной на Запад. Не в последнюю очередь по этой причине Степун в первые послевоенные годы собирался переселиться в США, однако не занимался этим вопросом слишком интенсивно. Так как философ плохо знал английский, его профессиональные перспективы в США были весьма неопределенны. Не в последнюю очередь из-за этого он в итоге отказался от планов эмиграции за океан.

В отношении «второй» немецкой демократии Степун испытывал определенный скепсис. И в послевоенное время он оставался верен своим взглядам, сформулированным в начале 1930-х годов в журнале *Новый Град*. Так, он полагал, что демократия может быть устойчивой только тогда, когда она стремится к «истине», а не воздает дань релятивизму или эклектике. Главную причину гибели учрежденной в феврале 1917 г. «первой» русской демократии, как и причину краха Веймарской Республики, Степун в первую очередь видел в том, что их идеал свободы не был христианским, что они оторвались от христианских корней. Поэтому они оказались беззащитными перед своими идеократически настроенными тоталитарными противниками.

Как и в начале 1930-х годов, в послевоенной Германии Степун продолжал быть сторонником христианской социальной демократии, не приемлющей ни любого рода тоталитаризм, ни либеральный релятивизм. С точки зрения Степуна, современная западноевропейская демократия в недостаточной мере соответствовала этим постулатам. В своей последней статье 1965 г. «Нация и национализм» он пишет: «Нынешняя Европа своих корней не помнит и все более и более пытается цвести срезанными с этих корней цветами: свободой без связи с истинной («Познайте истину, и истина сделает вас свободными»), личностью, отрицающей свое богоподобие (Бог создал человека по образу и подобию Своему), и правом, давно забывшим как правду-истину, так и правду-справедливость...»⁶⁰. Нельзя избавиться от впечатления, что Степун в данном случае слишком неспра-

⁵⁸ Федор Степун. Письма. М., 2013. С. 433. См. также Хуфен. Мюнхенская свобода.

⁵⁹ Степун. Письма. С. 395-396.

⁶⁰ Степун. Сочинения. С. 942.

ведлив в отношении тогдашней западноевропейской или же немецкой демократии: определенные уроки из цивилизационной катастрофы 1933-1945 гг. она все же вынесла. Особенно четко это заметно на примере Основного закона ФРГ, на котором основана «вторая» немецкая демократия; он не имел релятивистский характер, на который столь часто жаловался Степун, и содержал ряд контрольных механизмов, позволявших Боннской республике, в отличие от Веймарской, противостоять своим радикальным врагам. Что касается требуемого Степуном социального характера демократии, то социально-рыночная экономика ФРГ по многим пунктам вполне соответствовала этому постулату.

Однако после 1945 г. немецкая тематика не входила в круг главных интересов Степуна как ученого и публициста. Его внимание прежде всего привлекала новейшая история России, в частности расцвет русской культуры в годы заката Петербургской империи и ее дальнейшей гибели вследствие большевистской революции. Этим двум эпохам были посвящены его воспоминания «Бывшее и несбывшееся», опубликованные в 1947-1950 гг. и дополнительно способствовавшие его популярности в Германии⁶¹. Нередко воспоминания Степуна сравнивали с мемуарами его великого предшественника Александра Герцена (1812-1870), также написанными в эмиграции.

Но не только прошлое России, но и ее настоящее и будущее постоянно занимали Степуна в мюнхенский период его жизни. В последней части мемуаров философ пишет о главной задаче русской эмиграции: «Хотя мы только то и делали, что трудились над изучением России, над разгадкой большевистской революции, мы этой загадки все еще не разгадали. Бесспорно, старые эмигранты лучше знают историю революции и настоящее положение России, чем иностранцы. Но, зная прекрасно политическую систему большевизма и ее хозяйственное устройство, ее громадные технические достижения и ее непереносимые нравственные ужасы, ее литературу и науку, ее церковь, мы всего этого, по-настоящему, все же не чувствуем; зная факты и статистику, мы живой теперешней России перед глазами все же не видим. В голове у нас все ясно, а перед глазами мрак»⁶².

Вопреки всему, Степун не оставлял попыток разгадать загадку по имени «Россия» или «Советское государство» и предсказать будущее развитие страны. Установление в России после возможного преодоления большевизма либерально-демократической системы западного типа Степун считал наименее вероятным. «Не может теперь восторжествовать то, что было разбито, – сказал он в октябре 1964 г. в докладе на конференции русской эмигрантской организации НТС. – А западноевропейская демократия была разбита в лице Временного правительства.

⁶¹ Stepun Fedor. *Vergangenes und Unvergängliches*. Vol. 1-3. München, 1947-1950; Сокращенное русское издание мемуаров под названием «Бывшее и несбывшееся» появилось в 1956 г. в Нью-Йорке. См. об этом также: Хуфен Христиан. Степун в Мюнхене. Выступление в Москве 14 мая 2014 г. // *Вопросы философии*. 2015. № 10. С. 87-93.

⁶² Степун. Бывшее и несбывшееся. Т. 2. С. 429.

И трудно представить, что то, что было разбито, снова восторжествует. А, кроме того, я этого вовсе не желаю»⁶³.

Суждения Степуна в отношении Временного правительства заметно изменились по сравнению с его прежней позицией межвоенных времен. Тогда он неоднократно говорил не только об ошибках неопытной и сотрясаемой кризисами русской демократии, но и о ее заслугах. В 1931 г., споря с немецко-русским публицистом Вальдемаром Гурианом, он писал: «Временное правительство потерпело крах. Но не потому, что оно состояло из безвольных простаков, а потому, что оно пыталось без применения массового террора обуздать инстинкты революционной массы»⁶⁴.

В докладе от октября 1964 г., который мы упоминали, а также в книге, изданной в 1962 г. под названием «Большевизм и христианское существование», и в ряде других работ Степун выступает как сторонник будущей демократии в России, которая в отличие от (не всегда справедливо) критикуемой им западной демократии будет глубоко укоренена в христианстве, будет служить вечным духовным, а не сиюминутным ценностям⁶⁵.

Большую озабоченность Степуна вызывало не только политическое, но и территориальное будущее России. Его очень огорчал тот факт, что нерусские эмигранты из бывшей Российской империи все больше отворачивались от своих русских коллег и мыслили прежде всего национальными категориями. В особенности он сожалел по поводу русско-украинской вражды. Об этом он писал, например, в 1956 г. в письме своему коллеге Дмитрию Чижевскому⁶⁶, который, несмотря на свое украинское происхождение, безоговорочно принадлежал русской культуре.

Степун не разделял высказанное в 1947 г. мнение Георгия Федотова, что Россия должна избавиться от своего имперского бремени и вместо этого полностью сосредоточиться на построении открытого и справедливого общества⁶⁷. В то же время Степун не одобрял чрезмерную гегемонию русских в Российской империи и выступал за аутентичную федеративную структуру российской государственности⁶⁸. Но полный отказ от империи, как это понимал Федотов, был для Степуна неприемлем. Парадоксальным образом, Степун объединял в себе скептическое отношение к свойственному представителям национальных меньшинств Российской империи мышлению в чисто национальных категориях и критику постнационального мировоззрения, свойственного духу времени, который захватил западную Европу после 1945 г. Степун полностью отвергал чрезмерный национализм, который оказал катастрофическое влияние на развитие Европы

⁶³ Федор Степун. Письма. С. 305-306.

⁶⁴ Stepun. Russische Demokratie als Projekt. P. 173, 281.

⁶⁵ Степун. Письма. С. 306-307; 642-643; Степун. Сочинения. С. 557-564, 757-758, 939-940.

⁶⁶ Степун. Письма. С. 406.

⁶⁷ Степун. Сочинения. С. 760-761.

⁶⁸ Там же. С. 940.

первой половины XX в. Однако он не собирался отказываться от понятия «нация», которому европейская культура была многим обязана. Степун обвинил некоторых западных журналистов в склонности постоянно смешивать понятия «нация» и «национализм»⁶⁹.

Однако наибольших успехов в мюнхенский период своей жизни Степун достиг не политическими прогнозами, а трактатами, лекциями и докладами по истории русской культуры. Особое внимание он уделял легендарному «серебряному веку», или религиозно-философскому ренессансу русской культуры, который происходил в России накануне революции 1917 г.⁷⁰ Так как Степун сам принадлежал к последним представителям этой блестящей эпохи, он мог рассказывать о ней с особой наглядностью. Многие из ее главных героев в итоге стали его близкими друзьями или ожесточенными противниками.

Чем же привлекает «серебряный век»? В первую очередь, взрывом творческой энергии, новыми, неожиданными тенденциями развития, проявившимися в России в начале XX в. Так, например, традиционный русский спор между западниками и славянофилами и конфликт Восток-Запад как таковой потерял свою былую остроту. Невидимая, но глубоко укоренившаяся в сознании стена, разделявшая культуры Востока и Запада, стала проницаема. Александр Блок в 1908 г. писал о «варварской распре между славянофилами и западниками – распре исключительно русской и для европейца непонятной и неинтересной»⁷¹. Русская литература, музыка, живопись, философия, получив бесчисленные побудительные импульсы от Запада, начали в свою очередь сами вдохновлять Запад. В 1903 г. Томас Манн говорил о «священной русской литературе»⁷². В «серебряный век» произошло не только примирение между Востоком и Западом, но и новое открытие Востока. Православие, которое определяло своеобразие русской культуры и которое русской интеллигенцией XIX в., за редким исключением, расценивалось как ненужный балласт, в «декадентском» Санкт-Петербурге засияло в новом свете. Происходивший религиозно-философский ренессанс показал, что своеобразие православия может гармонично сочетаться с ценностями западной культуры, что обе части христианского мира существенно взаимозависимы.

Тот факт, что «серебряный век» ушел со сцены истории не вследствие внутреннего истощения, а насильственным путем, увеличивал его притягательность в глазах последующих поколений. В высшей степени захватывающая история «серебряного века» не была досказана до конца, его творческий потенциал был реализован лишь частично. Отсюда следовала попытка, которая наблюдается в современной постсоветской России: подключиться к процессу, внезапно прерванному в 1917 г. Многочисленные представители «серебряного века» и религиозно-

⁶⁹ Там же. С. 941.

⁷⁰ См. в особенности об этом: Stepun Fedor. *Mystische Weltanschauung. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyj, Blok*. München, 1964.

⁷¹ Блок Александр. *Собрание сочинений*. Т. 5, М., Л., 1962. С. 332.

⁷² Mann Thomas. *Gesammelte Werke in dreizehn Bänden*. Frankfurt am Main, 1990. Vol. 8. P. 300.

философского ренессанса, принудительную высылку которых историк культуры Владимир Вейдле назвал своего рода «изгнанием варягов»⁷³, теперь посмертно возвращались в Россию, что культурная элита страны воспринимала как неожиданный подарок русских эмигрантов своей стране, из которой они когда-то были изгнаны.

Степун, умерший за 26 лет до самороспуска СССР, предвидел это развитие. Особенно ясно прогностические способности Степуна видны на примере анализа им произведений Бориса Пастернака. Пастернак, как и Степун, был одним из последних представителей «серебряного века». Не в последнюю очередь поэтому советские чиновники от культуры обливали потоками грязи его критический в отношении революции роман «Доктор Живаго», герой которого представлялся им «существом с другой планеты». Несмотря на посмертное разоблачение Сталина на XX съезде КПСС, лица, формировавшие официальный образ советской культуры, и после 1956 г. оставались верны провозглашенным в 1934 г. принципам «социалистического реализма». Упорное нежелание Пастернака следовать этой догме, факт, что он сохранял лояльность определявшей характер его творчества эстетике «серебряного века», вызывали постоянную неприязнь его критиков. Они утверждали, что своим «обывательским» отказом признавать «железные законы» истории, «эгоцентричной» попыткой идти против течения, противостоять притяжению победоносного социалистического коллектива Пастернак демонстрирует отсталость своей позиции.

Этот «реквием» эстетике «серебряного века» был не нов в послереволюционной истории России. Еще в 1923 г. Максим Горький, позже ставший символом «социалистического реализма», исполнил свой «реквием» людям «серебряного века», говоря в том числе и о Степуне, назвав их никому не нужными людьми, отжившими свой век. Степун, человек «серебряного века», пишет об этом так: «Отзыв Горького обо мне меня очень обрадовал. Я и сам все сильнее чувствую себя почти последним из "стаи славных" настоящих московско-русских интеллигентов и земли русской "праведников". Единственное, что в отзыве могло бы огорчить меня, это мысль, что я и мне подобные сейчас никому не нужны. Ибо нужны не цветы, а сапоги»⁷⁴.

Однако вернемся к разногласиям советских функционеров от культуры с творчеством и личностью Бориса Пастернака. При оценке вопроса, кто в этом конфликте представлял современную, а кто – устаревшую точку зрения, Степун занял позицию, противоположную критикам Пастернака. Их он обвинил в устаревших, отживших подходах. Так как они мыслили социальными категориями, они были не в состоянии понять метафизическую глубину произведения Пастернака. Своей интерпретацией русской революции не как проявления классовой борьбы, а как трагической мистерии, Пастернак открыл своим читателям воз-

⁷³ Вейдле В. Задача России. N.Y., 1956. С. 81.

⁷⁴ См. Федор Степун. Письма. С. 481; Hitzer. Mein Lehrer Fedor Stepun. P. 174.

можность понимания таких глубин человеческого существования, которые оставались полностью закрытыми и для обывателей, и для обладавших поверхностным мышлением советских функционеров. Вывод Степуна состоял в том, что нужно быть благодарным Пастернаку за его выступление против банализации духовной жизни, столь широко идущей в России после победы большевизма в 1917 г.⁷⁵

Кому принадлежит будущее России? Об этом пишет Степун в некрологе умершему в 1960 г. Борису Пастернаку: «Пастернак умер спустя пятьдесят лет после смерти Толстого [...] Как Толстой в глазах царской, так и Пастернак в глазах советской власти был врагом народа и его "правомерного" правительства. Как монархия, так и советская диктатура боялась, как бы похороны не осложнились какими-нибудь демонстрациями». Степун пишет, что эти опасения были оправданными. И те, и другие похороны превратились в манифестацию непокорности: «Над могилой говорились свободолюбивые, горячие речи, читались стихи и лились слезы. Всем этим народ возвращал отвергнутого "народной" властью поэта в подлинную глубину народной души, чувствуя в нем, как в свое время чувствовали и в Толстом, неподкупную совесть России»⁷⁶.

Проведенное Степуном полное символических совпадений сравнение между двумя похоронами и их последствиями демонстрирует почти пророческую интуицию мыслителя. Как похороны Толстого стали предвестником заката русского самодержавия (царь был свергнут спустя семь лет), так и похороны Пастернака представляли собой своего рода поворотный момент в развитии Советского государства. Через пять лет родилось советское правозащитное движение, открывшее совершенно новую страницу советской истории. Его началом стала демонстрация «инакомыслящих» в Москве 6 декабря 1965 г., направленная против процесса над критиками режима – писателями Юлием Даниелем и Андреем Синявским. Обоим обвиняемым инкриминировалось то же самое, что в свое время Пастернаку – а именно, публикация критических в отношении советского режима произведений на «капиталистическом» Западе. С появлением правозащитного движения в СССР вернулся подлинный, свободный от цензуры дискурс, ранее вытравленный из страны большевистской диктатурой. Это относится и к идеям многих русских мыслителей, изгнанных большевиками из страны, которые в 1960-е годы начали в значительной степени вдохновлять зарождающуюся в стране «альтернативную общественность».

Среди философов, вернувшихся в постсоветскую эпоху в свою страну, по крайней мере, своими трудами, был и Федор Степун. Когда Степун в 1965 г. умер, такое развитие событий казалось почти невыносимым. Упомянутый нами ученик Степуна Фридрих Хитцер в некрологе сравнивал мемуары Степуна с воспоминаниями Александра Герцена. Хитцер писал: «Герцен был маяком но-

⁷⁵ Степун. Сочинения. С. 762-765.

⁷⁶ Там же. С. 927.

вой эпохи. Мемуары же Степуна – оправдание упущений и памятник красоте упадка (т.е. невозвратимого прошлого – Л.Л.)»⁷⁷. Но суд истории редко выносит окончательное решение: мнимый упадок в определенных обстоятельствах может стимулировать возрождение; это и произошло в России вскоре после смерти Степуна⁷⁸.

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина

⁷⁷ Hitzer. Mein Lehrer Fedor Stepun. P. 177.

⁷⁸ В дальнейшем Фридрих Хитцер пересмотрел свой тезис. В написанном через 32 года после словии к некрологу 1965 г. он писал: «Ренессанс, который переживают труды Степуна в новейших исследованиях российских авторов, особенно Владимира Кантора [...] позволяет впервые по-новому взглянуть на многое из того, что мне в 60-е годы представлялось безвозвратно ушедшим». Ibid. P. 178.